

Н. Берг

**Записки об осаде
Севастополя**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Берг**
Записки об осаде Севастополя: Том 1 / Н. Берг – М.: Книга по Требованию,
2014. – 270 с.

ISBN 978-5-4241-6426-2

Записки об осаде Севастополя. Том 1.

ISBN 978-5-4241-6426-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во время службы моей въ Крыму, при Главномъ Штабѣ Южной арміи, я велъ записки ежедневнымъ событіямъ, случаямъ и встрѣчамъ, которыми былъ свидѣтель и о которыхъ слышалъ. Эти записки сгорѣли у меня на фрегатѣ «Коварнѣ» 26 августа, 1855. Переѣхавъ въ лагерь на Инкерманъ, я записалъ немедленно все, что могъ припомнить. Въ послѣдствіи, въ Бахчисараѣ, въ Одессѣ и наконецъ въ Петербургѣ, при столкновеніи съ разными лицами, я провѣрилъ, дополнилъ и исправилъ записанное, и теперь рѣшаюсь издать въ свѣтъ, прибавивъ къ этому кое-что изъ напечатаннаго мною прежде о томъ-же предметѣ.

Издаваемые записки вовсе не исторія осады: это просто мемуары частнаго лица, изложеніе, по возможности,

« всего », случившагося въ Севастополѣ въ то время, когда я находился тамъ на службѣ. — Тутъ читатель увидитъ и жизнь базара, и Маленькій бульваръ, и библиотеку; все это перемѣшано съ обыкновенными явлениями севастопольской жизни: бомбами, похоронами, битвами. Я старался не пропускать рѣшительно ничего, ибо все, что мы видѣли, всѣ наши мелкія произшествія не были похожи на такія-же произшествія другихъ городовъ, а носили на себѣ особенный, осадный « севастопольскій » характеръ. — Все это выработалось въ воздухѣ Севастополя, и, мнѣ кажется, описаніе его безъ этихъ аксесуаровъ было-бы не полно.

Что до военныхъ дѣйствій, — я выставилъ самыя любопытныя и яркія, которыхъ громъ долетѣлъ до васъ еще прежде. При описаніи ихъ, я имѣлъ въ виду, гдѣ это было можно, — сосредоточить вниманіе читателей около первыхъ лицъ, дабы знать всѣ предварительныя распоряженія и смотрѣть изъ центра. Я старался уяснить для незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ и не видавшихъ бомбъ, батарей и осады, все, что издали кажется не такъ понятнымъ. Въ разказахъ моихъ я употреблялъ самый простой языкъ, держась « народныхъ » севастопольскихъ названій, а иногда оставляя даже выраженія расказащиковъ-очевидцевъ, дабы ихъ языкомъ живѣе представить, « какъ показалось » въ извѣстную минуту и въ извѣстномъ мѣстѣ то, о чемъ идетъ дѣло. Такія выраженія у меня отточены, или напечатаны курсивомъ.

Кроме личных наблюдений и сообщенного очевидцами, коих считаю главнымъ и лучшимъ источникомъ, — я пользовался нѣкоторыми изданными у насъ и у Французовъ книгами по этому предмету. Въ описаніи дѣйствій союзниковъ руководствовался преимущественно Базанкуромъ, который жилъ 5 мѣсцевъ при Главномъ Штабѣ Восточной арміи, для веденія историческихъ записокъ, и которому были доступны многіе официальные документы.

Все собранное мною такимъ образомъ я оставилъ безъ всякихъ исключеній, хотя черезъ это одинъ пунктъ вышелъ ярче, а другой только очеркнуть. При моихъ небольшихъ средствахъ, не было никакой возможности привести все къ одному знаменателю и уравнивать всѣ тоны, особенности и подробности. Пусть иное перетягиваетъ: можетъ статься, кто нибудь другой дополнитъ именно то, чего у меня нѣтъ, а я, можетъ быть, напалъ на такіе слѣды, на которые не случится напасть другому. Мы, конечно, только вкладчики будущаго, но также должно помнить и то, что для составленія въ будущемъ полной и вѣрной исторіи настоящихъ событій, необходимы «наши» отрывочные труды, «наше» слово. Кто знаетъ: можетъ быть, если вы не скажете «вашего» слова, его уже никто не скажетъ, и въ этомъ мѣстѣ останется навсегда пустая страница. И потому должно записывать все, что знаешь, откинувъ всякую робость и не боясь, что напишешь мало.

Въ заключеніе прошу покорнѣйше господъ участниковъ и свидѣтелей всего изложеннаго, у кого найдется свободная минута, — сказать мнѣ откровенно, что покажется имъ невѣрнымъ, исправить иную цифру, внести пропущенное имя, адресуя свои замѣчанія въ редакцію Журнала Библіотеки для Чтенія.

СЕВАСТОПОЛЬ ВЪ ФЕВРАЛѢ

1855 года¹⁾.

Дорога изъ Кишенева въ Севастополь. — Приѣздъ. — Первые бомбы. — Сѣверная сторона. — Александръ Ивановичъ. — Ночная схватка на новомъ редутѣ. — Толки. — Переѣздъ на Южную сторону. — Знакомство съ городомъ. — Опять Сѣверная сторона. — Госпитальные бараки и ампутаціи. — Посѣщеніе бастионовъ. — Нахимовъ. — 4-й бастионъ и мины. — Корабль и пароходъ. — Греки-волонтеры. — Ракета. — Малаховъ Курганъ. — Новый редутъ. — Отъѣздъ. — Чатырдагъ. — Бахчисарай. — Дворецъ Хава. — Фонтанъ Слезъ. — Дорожныя приключенія. — Кишиневъ.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о самой дорогѣ въ Севастополь. На всякой дорогѣ не безъ приключеній. Я выѣхалъ изъ Кишенева съ однимъ гусарскимъ офицеромъ, 5 февраля,

¹⁾ Эта статья была прежде напечатана подъ названіемъ: «10 дней въ Севастополѣ».

ночью. Дорога была ни то, ни се: ѣздили на санихъ и въ телегѣ. Мы предпочли сани и чуть не раскаялись: рѣка Быкъ, которую надо переѣзжать тотчасъ по выѣздѣ изъ города, чуя весну, разъяралась, и версты двѣ мы тащились водою, едва не зачерпывая въ сани. Волны плескали такъ близко, что можно было касаться до нихъ рукой, нисколько не нагибаясь. Разумѣется, эти двѣ версты показались намъ за десять. Это было самое несносное путешествіе. Но зато, выбравшись изъ волнъ, мы ударили по всѣмъ по тремъ. Дорога пошла ровнымъ косо-горомъ. По сторонамъ тянулись бессарабскія пологія горы, которыя впотѣмахъ трудно было разглядѣть: стояли въ воздухѣ какіе-то туманные чертежи. Къ утру уже мы были въ Бендерахъ. При взглядѣ на старую цитадель, построенную Генуэзцами, мнѣ пришли на мысль знакомыя всякому имена. Говорятъ, недалеко отъ города, въ одной деревнѣ, уцѣлѣлъ еще тотъ домъ, въ которомъ Карлъ XII отстрѣливался отъ Турокъ. — Мы долго двигались по длинной гати, между деревьями. Вдали видно было кипѣніе крѣпостныхъ работъ: повсюду возводились батареи; каруцы, нагруженные военными снарядами, то въѣзжали въ крѣпость по временнымъ мостамъ, то выѣзжали оттуда; съ валовъ глядѣли пушки. Въ концѣ гати насъ ожидала двойная переправа: Днѣстръ уже тронулся, и часть льда прошла. Наканунѣ переправляли на паромѣ; но въ ночь явились новыя льдины, и у самаго перевоза сдѣлалась *зажора*, т. е. затерло ледъ. Немного ниже ходили лодки; но большая часть проѣзжающихъ переправлялась по льду пѣшкомъ. Такъ сдѣлали и мы. Нѣсколько солдатъ взяли наши вещи, и мы гуськомъ перешли черезъ ледъ. Подставы лошадей, какъ водится, не было. Какой-то Малороссіянинъ взялся сбѣгать въ селеніе Перканъ, гдѣ была станція, — всего какую-нибудь версту. Тѣмъ временемъ я накинулъ въ бумажникъ старую цитадель. Кажется, башни прежде кончались зубцами: видны ихъ слѣды;

и, притомъ, крышечки, сброшенныя сверху, какъ-то свѣжи и новы.

Скоро пріѣхала телега особеннаго колоніальнаго устройства, съ откиднымъ задкомъ на цѣпяхъ. Одинъ солдатъ замѣтилъ другому, смѣясь: «у насъ, въ Россіи, въ такихъ-то навозъ возать!» Но тутошній мужикъ обидѣлся и сказалъ: «ахъ ты навозъ, навозъ! эту телегу на тридцать цѣлковыхъ не купишь! навозъ, навозъ!» — Въ самомъ дѣлѣ, телега была хорошая, чистой нѣмецкой работы, съ тонкими колесами на желѣзныхъ осяхъ. Но она не спасла насъ отъ невыносимыхъ толчковъ по колотямъ, или, какъ тамъ называютъ, *по грудѣ*. Никогда я не испытывалъ такихъ мученій въ дорогѣ. Между тѣмъ, въ воздухѣ начинало теплѣть. Взивались жаворонки и слышалось вѣявіе весны. Мы сбросили шубы; но къ вечеру захолодѣло опять. Въ Качурганѣ, на второй станціи отъ Бендеръ, предстоила новая переправа. Никто не взялся переправлять ночью, и намъ пришлось переночевать на станціи. Утромъ, съ верховымъ впереди, мы поѣхали по узкой греблѣ въ бродъ. Говорили намъ, что бѣда свернуть съ гребли: направо и налево омутъ. Въ самомъ дѣлѣ, волны крутились и шумѣли по сторонамъ. Однако, мы переправились благополучно. Опять *грудѣ* и мученія! Въ колоніи Мангеймъ, въ сорока верстахъ отъ Одессы, извозчикъ указалъ намъ на русскій трактиръ, гдѣ можно было перевести духъ. Русскій бородачъ-хозяинъ пилъ чай. Кругомъ все было по-русски: на стѣнахъ лубочныя картинки духовнаго содержанія. Словомъ, это былъ русскій островокъ на нѣмецкомъ морѣ. Измѣняла одна печь, сложенная въ видѣ какого-то кувшинчика.

Черезъ три станціи мы подѣхали къ Одессѣ. Подѣздъ былъ самый неудачный. Все было забрызгано грязью. Длинное предмѣстье Молдаванка показалось намъ еще длиннѣе. Мы все ожидали Одессы, восхваляемой Одессы, и моря — не было

ни Одессы, ни моря! Сѣрыя однообразныя зданія изъ мѣстнаго бута, который замѣняетъ тамъ кирпичъ, тянулись направо и налево. Мы ѣхали какимъ-то болотомъ, а не мостовой. Вотъ и Одесса! огромныя зданія, начавшія выростать одно за другимъ, показали намъ, что мы уже въ городѣ. Пошли вывѣски съ русскими и итальянскими надписями. «*Погребъ съ разными винами*» непременно переводился: *Cantina con diversi vini*. Улицы также назывались по русски и по итальянски: *Конная* — *Strada Konna*; *Херсонская* — *Strada Chersona*; *Полицейская* — *Strada della Polizia*... А вотъ и море, и статуя Дюка!... Европейская гостинница, у которой мы остановились — одно изъ лучшихъ зданій въ городѣ, съ прекрасной рестораціей. Насъ обдало блескомъ и сіяніемъ. Отдохнувъ минуту, среди всевозможнаго комфорта, я побѣжалъ на Щеголевскую батарею, которая была недалеко, подъ горой, на краю мола. Кругомъ шумѣло опустѣлое море. Щеголевская батарея очень проста, съ землянымъ брустверомъ. По дорогѣ я видѣлъ много сваленнаго камня. Готовятся новыя укрѣпленія. На зданіяхъ, идущихъ по горѣ, замѣтно нѣсколько пробойнъ ядрами. Статуя Дюка тутъ же, когда поднимаешься на знаменитую воронцовскую лѣстницу. Мѣсто, гдѣ отлетѣлъ кусокъ въ осаду 11 апрѣля, (1854) задѣлано металломъ, со вставкою ядра.

Мы выѣхали ночью. Первыя двѣ станціи идутъ берегомъ моря, подлѣ самыхъ волнъ. Казалось, волны плескали въ колеса телеги, и шумъ ихъ отдавался въ тишинѣ, подобно раскату по мостовой тысячи экипажей. Было что-то особенное, что-то пріятное, укачивающее, въ этомъ ночномъ невидимомъ гулѣ... но вотъ гудящіе раскаты стали затихать. Дорога повернула влево. Мы пріѣхали въ селеніе Варваровку и опять къ ночи, а надо было переправляться черезъ Бугъ, версты двѣ по тонкому льду, который весь былъ въ окошкахъ. Опять не нашлось проводниковъ, и мы волей, или неволей переночевали

въ Варваровкѣ. На зарѣ явилось шесть человекъ такъ называемыхъ *лоцмановъ*, въ башлыкахъ, въ толстыхъ суконныхъ сермагахъ и съ особенными желѣзками подъ сапогами, чтобы не раскатываться по льду. Они взяли наши вещи, и мы пошли гурьбою къ рѣкѣ. Но едва мы ступили на ледъ, какъ насъ понесло вѣтромъ. Никакъ нельзя было держаться, даже съ помощью подкованныхъ лоцмановъ; мы съѣли на салазки, куда сложены были наши вещи, и покатались. Вести было легко, по причинѣ душаго въ спину вѣтра. Мы служили парусомъ. Пятеро лоцманомъ, ухватясь за веревки, не шли, а бѣжали, подгоняемые санями. Шестой, съ небольшимъ багромъ въ рукѣ, шелъ, катясь, впереди и указывалъ дорогу, безпрестанно пробуя ледъ. Скоро мы очутились среди рѣки, на ледяной, и, казалось, безконечной равнинѣ. Кругомъ мело и крутило снѣжную пыль, и за нею нельзя было разглядѣть береговъ. Закутавшись въ шубу, я смотрѣлъ на синій, прозрачный ледъ, по глади котораго несло выющимися полосами мелкія снѣжины, и, приглядѣвшись, казалось, что мимо насъ несутся волны... но вотъ, сквозь снѣжную пыль, стали являться зданія Николаева и деревья, похожія на неподвижный дымъ. Мы причалили и, оставивъ салазки подъ берегомъ, начали подыматься въ гору великолѣпнымъ садомъ, мимо бесѣдокъ, засыпанныхъ снѣгомъ. Николаевъ произвелъ на насъ самое выгодное впечатлѣніе: свѣтлые дома, прямыя, широкія улицы. Не потому ли все это такъ свѣтилось, что кругомъ сіялъ только что выпавшій снѣгъ, которому мы чрезвычайно обрадовались. Разумѣется, явсья на станцію, мы потребовали сани. Такъ-какъ къ снѣгу завернулъ и морозъ, то надо было купить теплые сапоги, или кеньги. Но кеньгъ мы не нашли въ цѣломъ Николаевѣ и обулись въ медвѣдя. За Николаевымъ ставовится замѣтнѣе однообразіе Херсонскихъ степей. Вплоть до Симферополя идетъ какъ бы одна и та же степь, исчерченная безчисленными дорогами, съ воз-

вышающимися кое-гдѣ извѣстными курганами. На станціяхъ не спрашивайте ничего: съ трудомъ найдется кусокъ чернаго хлѣба. Лѣнь и сонъ царствуютъ на всемъ необъятномъ пространствѣ степи. Лѣнь даже брать деньги. На бѣду мы попали туда въ такую пору, когда нельзя было скоро ѣхать. Чудеса происходили на станціяхъ. Это было переходное состояніе почтовыхъ дворовъ отъ частныхъ лицъ въ казнѣ. Мы пересѣли въ телегу, можно сказать, еще среди зимы: степью, по сторонамъ большой дороги, лежалъ снѣгъ и былъ прекрасный санный путь. Пришлось опять колотиться *по груди*. На бѣду ямщикомъ попался Татаринъ, не говорившій по-русски и не знавшій дороги. Въѣхавъ въ Перекопъ, онъ подвезъ насъ къ какому-то дому и сказалъ: *пушта!* то есть, почта. Но это оказался частный домъ, а почта была еще далеко. Лошади не довели и стали среди груды. Мы дошли пѣшкомъ и спросили, гдѣ трактиръ. Намъ указали черезъ дорогу на свѣтившееся зданіе. Мы перешли по мерзлымъ кочкамъ грязи, и нашимъ взорамъ предсталъ бильярдъ, на которомъ спалъ какой-то господинъ. Сонный трактирщикъ объявилъ, что ничего нѣтъ, все вышло! Мы вернулись на станцію и спросили у смотрителя: нѣтъ ли чего закусить? — Ничего нѣтъ! отвѣчалъ онъ. — Да нѣтъ-ли хоть чернаго хлѣба? — нѣтъ! — На полу, у печки, лежалъ какой-то казакъ: онъ сжался надъ нами, всталъ и сказалъ, что найдетъ хлѣба. Черезъ нѣсколько времени онъ принесъ лопоть. — А соли? — Сейчас! — За солью надо было снова бѣжать черезъ улицу. Онъ принесъ и соли въ горсти и высыпалъ на столъ. Мы поспѣшили выѣхать. Безконечно тянулась степь со своими станціями. На одной изъ нихъ какой-то добрый геній въ видѣ русскаго полковника предложилъ намъ франзолъ, т. е. французскій хлѣбъ, и мы напились съ нимъ чаю. Тутъ же, откуда ни возмись, нашъ обратный курьеръ изъ Севастополя. Онъ далъ намъ жареную куропатку и совѣтовалъ записаться съѣстнымъ въ Симферополѣ.